

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Е. З. Киреева

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ГРАНИЦАХ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются концепции субъективной модальности. Доказывается, что субъективность в компонентах объективно- и субъективно-модальных значений служит веским основанием считать категорию модальности единым системным макрообразованием. Поясняется, что изменение представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений позволяет плодотворно изучать категорию на материале текста и дискурса. Аргументируется, что изучение оценки в рамках исследований, посвященных изучению модальности текста, обусловлена органической связью этих категорий.

Ключевые слова: модальность, субъективность, оценка, говорящий, текст.

E. Z. Kireeva

TO THE QUESTION OF CONTENT AND BOUNDARIES OF SUBJECTIVE MODALITY

The article discusses the concept of subjective modality. It is proved that subjectivity in the components of objective and subjective-modal meanings serves as a good reason to consider the category of modality as a single systemic macro-formation. It is explained that changing ideas about the optional nature of subjective-modal meanings allows one to fruitfully study the category on the basis of text and discourse. It is argued that the study of assessment in the framework of research on the study of the modality of the text is due to the organic connection of these categories.

Key words: modality, subjectivity, assessment, speaking, text.

Цель статьи заключается в рассмотрении концепций субъективной модальности, ее соотношении с категорией оценочности.

В каждой науке есть сферы особой академической напряженности, и модальность — это именно такая сфера. В лингвистике к дискуссионным вопросам относятся, например, содержание и границы языковой категории модальности. Так, подвергается сомнению целесообразность выделения объективной и субъективной модальности, поскольку связь между основными модальными отношениями (говорящего к содержанию высказывания; содержания высказывания к действительности) имеет органичный характер. Условность противопоставления объективной и субъективной модальности представляется очевидной из-за наличия в компонентах их семантики элемента субъективности [11, с. 41; 15, с. 304].

В. В. Виноградов в программной статье «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [6] определил следующую систему модальных отношений, которые устанавливаются говорящим: 1) отношение

содержания сообщения, выраженного в предложении, к действительности; 2) отношение говорящего к содержанию сообщения, выраженного в предложении; 3) коммуникативная цель говорящего как основа выделения модальных типов предложения. В отечественном языкознании концепция В. В. Виноградова была принята за основу благодаря высокому объяснительному потенциалу для изучения смысловой организации предложения и прогностическому — для изучения текста и дискурса.

Отношение говорящего к содержанию высказывания как сфера модальных отношений выражается субъективно-модальными значениями. Их концептуальную основу составляет логическая безусловная (унилатеральная) модальность. Понятие унилатеральной модальности применимо только к реально существующим положениям дел (объектам). В таких высказываниях реализуется смысл, который связан с представлениями говорящего об истинности высказывания: мнением, верой, знанием или предположением [12, с. 20—65].

Субъективная модальность — это отношение говорящего к сообщаемому [21, с. 215]; отношение говорящего к любому аспекту или части высказывания: содержанию, форме, степени достоверности, соотношению с другими высказываниями и пр. [18, с. 299] и выражение «*к о м м у - н и к а т и в н о г о н а м е р е н и я* (разрядка автора. — *Е. К.*) говорящего в ... речевом акте» [18, с. 300]; «психологическая или ментальная **установка** (выделено автором. — *Е. К.*) говорящего..., например желательность, гипотетичность, сомнение и под.» [22]. Определения свидетельствуют о разном объеме значений, включаемых в понятие. Однако очевидно, что субъективно-модальные значения охватывают все возможные способы квалификации сообщаемой информации.

На основании анализа литературы выделяются две группы субъективно-модальных значений: уверенность — предположительность (оппозиция по признаку ответственности) [13], или, в другой терминологии, достоверность — вероятность [1, с. 272].

ЛЭС отмечает необходимость упорядочения составляющих содержания категории субъективной модальности из-за их неоднородности. Решению этой задачи посвящено диссертационное исследование Е. Н. Ореховой [17]. Центральное место в системе субъективно-модальных значений в классификации ученого принадлежит значению достоверности — недостоверности (по степени нарастания уверенности субъекта речи на этой шкале располагаются модально-квалификативные смыслы: сомнение, предположение, допущение, мнимость, уверенность); к нему примыкают пять типовых значений: модальность обычности, логическая модальность, модальность эвиденциальности, контактоустанавливающее модальное значение, эмоционально-оценочная модальность [17, с. 7—8]. В свою очередь, выделяются разновидности этих модальных значений (например, предположение на логической основе, на основе чувственного восприятия мира, догадка).

Представления о субъективной модальности как единой категории составляют предмет дискуссий. Так, Е. М. Вольф рассматривает не субъективную модальность, а субъективные модальности, которые отражают различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания, например, модальность собственно оценки «хорошо — плохо» и объединенные с ней общими признаками модальности «странности», «удивления», «неожиданности» [7, с. 87]. Вслед за Я. Хинтиккой, ученый полагает, что из-за разнообразной

природы и многочисленных средств выражения исчислить систему этих модальностей представляется трудно выполнимой задачей [7, с. 87]. Точка зрения Е. М. Вольф о множественности модальностей получила дальнейшее развитие в трудах отечественных лингвистов [23, 24]. Представляется все же, что постулирование бесконечного множества модальностей противоречит строгости научного подхода и размывает границы категории.

Трактовка говорящего как единственного модального субъекта, устанавливающего отношение к содержанию высказывания [6], остается предметом дискуссий. В сфере модальности как семантической категории, по Ш. Балли, включаются такие предложения, в которых эксплицитно выражаются установки не только говорящего, но и других лиц: *Он уверен, что сын вернется*. Модальность, таким образом, характеризуется как «душа предложения», заметим — любого предложения, в том числе интенционального (пример приведен выше), которое в отечественной лингвистике принято рассматривать в теории пропозиции и теории интенциональных контекстов. Модус, по Ш. Балли, включает в себя все субъективно-модальные значения [20]. Свой модус есть у каждого высказывания, например модус восприятия, суждения, эмоциональной реакции, умозаключения, воспоминания, мнения, знания [18, с. 397; 2, с. 411—440].

Полемика по вопросу обязательности/факультативности субъективно-модальных значений определена разным пониманием термина *субъективность*. В советском языкознании изначально доминировал узкий подход, согласно которому субъективность языка интерпретировалась как «результат индивидуального сознания человека» [14, с. 56], которое определяется, в том числе, «способностями индивидуума переработать информацию в данный момент» [14, с. 57—58]. Изначально в отечественном языкознании субъективно-модальные значения признавались факультативными [13, 21]. Категория модальности изучалась «в тесной увязке с материалистической теорией предложения» [6, с. 58], а ее понимание буржуазным языкознанием из-за субъективно-идеалистического плана рассмотрения признавалось искаженным [6, с. 57]. Если, по Ш. Балли, модус, даже будучи имплицитным, обязателен в предложении [3, с. 49], то, по В. В. Виноградову, напротив, в предложении обязательной признается объективная модальность.

В рамках широкого подхода субъективность понимается как «разноаспектные представления говорящего в речевом произведении» [26, с. 3]. Признается, таким образом, всеобщий характер субъективности, поскольку язык антропо- и эгоцентричен, а присутствие говорящего в высказывании обусловлено самим фактом говорения. Говорящий определяется как надиндивидуальный языковой субъект, то есть не просто «говорящий», а «в с я к и й говорящий» (разрядка автора. — Е. К.) [19, с. 89—90].

Становлению широкого подхода к пониманию субъективности и изменению представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений способствовали идеи Ш. Балли, продолженные в работах Дж. Лайонза, Э. Бенвениста, Ф. Палмера и др. В Грамматике-70 субъективно-модальное значение определяется как обязательное, а не факультативное свойство каждого предложения [10, с. 545]. Введение субъективно-модального значения в общую теорию модальности как значения имманентного позволило изучать категорию на материале текста и дискурса. В настоящее время пересмотрены представления о том, что отношение говорящего к сообщаемому может быть никак не выраженным, нейтральным [22, с. 91].

Если, по Г. А. Золотовой, субъективная модальность как факультативный признак высказывания не меняет основного модального значения предложения и модальности взаимодействуют, но не перекрещиваются [13, с. 149], то, по данным ЛЭС, средства субъективной модальности «способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию “последней инстанции”» [15, с. 303]. Исследования калининградских ученых убедительно доказывают это положение на уровне текста.

Установлению границ категории модальности способствует полемика вокруг включения оценочных значений в круг модальных. Включение собственно модальной оценки в систему модальных отношений не вызывает сомнений. Говорящим как субъектом модальности всегда оценивается реальность — ирреальность действия, его необходимость, возможность, желательность, степень достоверности — вероятности сообщения, мнение говорящего, его вера, знание или предположение. Отнесение же к модальным оценочно-характеризующих и собственно-оценочных значений [21, с. 216] остается предметом дискуссий [8].

Анализ литературы, посвященной соотношению категорий оценки и модальности, позволяет выделить следующие отношения:

1) непересечение объемов категорий. Оценка интерпретируется как «отдельная сфера в семантике естественного языка (преимущественно — в лексической семантике)», поскольку, как правило, включается в семантику лексической единицы, тогда как модальные значения характеризуют пропозицию в целом [22]. Авторы ЛЭС исключают эмоциональную и качественную оценку из числа модальных значений [15, с. 303];

2) тождество объемов категорий. Субъективная модальность включает различные эмоции (иррациональные реакции) [24, с. 67]; экспрессивные оттенки высказывания, в которых выражаются различные чувства (надежда, ожидание, изумление, неудовольствие и т. п.) [9, с. 315; см. также: 18, с. 299—300]. В. Н. Телия выделяет: а) оценочную модальность, которая соотносит обозначаемый предмет с аксиологическим суждением, и б) эмотивно-оценочную (коннотативную) модальность в экспрессивно окрашенных словах, которая соотносит внутреннюю форму выражения с аксиологическим суждением (двумодальность лексического значения экспрессивных слов) [25, с. 25]. Думается, что дублирование одинакового семантического объема двумя категориями вызывает вопрос о целесообразности существования одной из них;

3) пересечение (частичное совпадение) объемов категорий оценки и модальности, когда качественная и эмоциональная оценка относится к периферии модальности [4]. В зоне пересечения находится оценка состояния субъекта или его характеристик. Оценка в этом случае выражается предикативным наречием [5, с. 7];

4) подчинение (субординация). Различая смыслы «отношение говорящего к предмету речи» и «ценностное отношение», Т. В. Маркелова замечает, что первый, выражающий значение уверенности — неуверенности, согласия — несогласия, возможности — невозможности, гораздо шире, чем второй, связанный не только с личностной интерпретацией говорящего, но и с определением места по шкале ценностей [16, с. 11]. Напротив, обращая внимание на то, что именно оценочность (не оценка) как категория служит предметом анализа, С. С. Ваулина признает оценочность более широкой категорией,

чем модальность. Ученый различает модальную и немодальную оценку. Под модальной оценкой понимается оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщения, его мнение, вера, знание или предположение; оценка реальности/ирреальности действия, его необходимости, возможности, желательности. Немодальные оценки, которые выражают общеоценочные и частнооценочные значения, обогащают план содержания модальности в тексте [5].

Полагаем, что доказанная многочисленными научными исследованиями связь этих категорий служит убедительным основанием рассматривать оценку в рамках исследований, посвященных изучению модальности.

Субъективность в компонентах объективно- и субъективно-модальных значений служит веским основанием считать категорию модальности единым системным макрообразованием. Изменение представлений о факультативном характере субъективно-модальных значений позволяет плодотворно изучать категорию на материале текста и дискурса.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
5. *Ваулина С. С.* Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании: сборник научных трудов / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2009. С. 3—10.
6. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
7. *Вольф Е. М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. М.: Индрик, 2003. С. 87—101.
8. *Гавриличева Г. П.* О проблеме соотношения понятий «оценка» и «модальность» // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. № 3. С. 50—55.
9. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
11. *Дешериева Т. И.* О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 34—45.
12. *Зеленицков А. В.* Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 216 с.
13. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1973. 351 с.
14. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
16. *Маркелова Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 1996. 47 с.

17. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2011. 44 с.
18. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
20. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 377 с.
21. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 709 с.
22. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru>
23. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. 295 с. URL: http://ucheb.lunn.ru/old/Publications/M_Romanova_Modalnost_2003.htm (дата обращения: 19.03.2020).
24. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
25. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 143 с.
26. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 184 с.

УДК 811.161.1'37
ББК 81.053

И. Ю. Третьякова

ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ МОДИФИКАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СИНХРОНИИ

Работа посвящена исследованию проблем окказионального преобразования языковых фразеологизмов. Окказиональные изменения знаков обусловлены авторскими интенциями, являющимися основным фактором осуществления трансформаций языковых фразеологических единиц. Основными авторскими интенциями при этом являются конкретизация и экспликация значения фразеологической единицы, интенсификация характеризующих признаков, буквализация фразеологического образа. Процессы и результаты авторской обработки языковой фразеологической единицы представлены на примере фразеологизма *строить воздушные замки*, активно функционирующего в речи; фразеологические трансформы выявлены в авторских текстах художественного и публицистического стилей, в сообщениях носителей языка на интернет-форумах, во фразеологических словарях и справочниках. Трансформации языковых единиц осуществляются посредством приёмов окказионального преобразования фразеологизмов. При этом в компонентном составе идиом происходят изменения: вводятся окказиональные компоненты, направленные на конкретизацию значения; как правило, изменения фразеологического компонента происходят на основе парадигматических связей этого компонента с новым, окказиональным. При экспликации значения окказиональные компоненты напрямую репрезентируют элементы значения фразеологизма. При интенсификации действия или признака окказиональные компоненты связаны с языковыми синтагматическими отношениями.

© Третьякова И. Ю., 2020